

МИККИ НОКС

БЫТЬ ПСИХОПАТОМ

ИНТЕРВЬЮ
С СЕРИЙНЫМ УБИЙЦЕЙ

Наедине с убийцей

Микки Нокс

**Быть психопатом. Интервью
с серийным убийцей**

«Алисторус»

2019

УДК 82-312.4
ББК 83.3

Нокс М.

Быть психопатом. Интервью с серийным убийцей / М. Нокс —
«Алисторус», 2019 — (Наедине с убийцей)

ISBN 978-5-907149-57-1

Добро пожаловать на самое дно человеческой души. Кто способен стать серийным убийцей, и что должно произойти в жизни человека, чтобы так надломить психику? Сколько боли нужно испытать человеку, чтобы превратиться в чудовище, не способное чувствовать и сопереживать? Способен ли такой человек измениться, и можно ли заразиться чужим безумием? Ответы на эти вопросы вы найдете в новой книге американского криминального психолога М. Нокса! Вы узнаете не только о том, из чего соткана психика убийц, но и то, в каком мире они живут, как себя оправдывают, и кто их поддерживает.

УДК 82-312.4

ББК 83.3

ISBN 978-5-907149-57-1

© Нокс М., 2019
© Алисторус, 2019

Содержание

Жизнь с чудовищами	6
Кто победит хищника?	8
Краткая история стокгольмского синдрома. Психопат и его жертва	11
Интервью с убийцей	18
Пролог	18
1. Автобус Барселона – Берлин	19
2. Берлин. Центральный автовокзал	21
3. Ограбление по-немецки	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Микки Нокс
Быть психопатом. Интервью
с серийным убийцей

© Нокс М., 2019

© ООО «Издательство Родина», 2019

Жизнь с чудовищами

Я не знаю ни одного серийного убийцы, который был бы похож на Ганнибала Лектора. Во-первых, потому, что среди серийников не было психотерапевтов. Я знаю нескольких врачей, которые унесли ряд жизней, но точно не в извращенной манере. Я не знаю ни одного человека со столь высоким положением в обществе, который был бы каннибалом. Либо был интегрирован в высшие слои и был столь дьявольски безумным.

Чтобы определить преступника, составить его профайл, вы должны понять способ его мышления, поставить себя на его место, понять и, в конечном счете, опередить его. Работа профайлера заканчивается в сознании убийцы. Он видит тебя, а ты его. Быть с ним настоящее волшебство, у него есть ключ, или окно, через которое он наблюдает за тобой. Таким образом, он смотрит, наблюдает за тобой. Точно так же, как и ты за ним. Когда я рисую для него картину, он видит и понимает, куда я пойду, каким будет мой следующий шаг. Таким образом, серийный убийца завершает составление психологического портрета самого профайлера. В этом и состоит суть работы криминального психолога. Установить невидимую связь между собой и убийцей.

Как началась моя жизнь среди чудовищ? Это был 1946 год. Город был охвачен паникой: в Чикаго появился маньяк, убивающий молодых девушек. Отец работал в Chicago Tribune, и у нас дома всегда было много номеров этой газеты. Меня поразила тогда одна деталь: убийца написал помадой своей жертвы следующую фразу: «Ради бога поймай меня быстрее, чем я снова убью. Я больше не могу себя контролировать». Очень скоро было совершено новое преступление. Преступник убил и расчленил тело женщины. Части ее тела были найдены в разных частях города. Что за человек способен на такое? Человек ли это вообще? Как ребенок я не мог представить себя на месте убийцы, но мог представлять себе то, как я расследую это дело.

Весь город был охвачен паникой. Многие родители стали забирать своих юных дочерей из школы, опасаясь маньяка. Tribune тогда оказалась в самом центре расследования. В каждом выпуске содержались новые подробности расследования «убийцы с помадой». Конечно, я был немного напуган, но в большей степени очарован. Я все чаще и чаще пытался себя поставить на место убийцы и именно тогда впервые задумался о том, что это могло бы помочь следствию. Чем больше мы понимаем преступника, тем легче предугадать его следующий шаг, легче его поймать. Так зародилась идея создания метода профилирования преступника.

Летом 1946 года мы играли исключительно в детективов. Мы представляли, как выслеживаем убийцу, арестовываем и допрашиваем преступников. Когда Уильям Хайренс, тот самый «убийца с помадой» был пойман, мои ровесники охладели к этим играм, но не я. В некотором смысле я играю в нее до сих пор. Помню, меня поразило то, что такой молодой Хайренс оказался способным на такую жестокость и хладнокровие. Тот факт, что он весьма трезво оценивал свои возможности и тщательно скрывал следы преступления, говорил о том, что он контролировал свои действия, но так ли это было на самом деле? Осознанный ли это выбор убийцы или какая-то непостижимая, темная сила толкает преступника на совершение убийства?

Потом были долгие годы учебы и работы в ФБР. Уже в Квантико, когда я преподавал патопсихологию, мы довольно часто летали на международные пресс-конференции. Именно тогда, на одной из них я и использовал впервые термин «серийный убийца». Тогда преступления наподобие тех, что совершал «сын Сэма» Дэвид Берговиц, назывались «убийством незнакомцем», а такие преступники именовались «чужими убийцами». Мне этот термин не нравился, так как он был недостаточно точным. Довольно часто жертва знала своего убийцу. На одной из конференций мы обсуждали серии убийств, краж, поджогов – преступлений с единым способом организации. Тогда-то я и применил этот термин, а затем стал часто употреблять

его на лекциях со своими студентами. Серийные преступления случались все чаще, и начальство было обеспокоено тем, чтобы найти метод наиболее быстрого поиска таких преступников, поэтому этот термин и прижился.

Оглядываясь назад, я думаю, что в моем сознании сработала аналогия с приключенческими сериалами по субботам. Каждые выходные мы спешили в кино, чтобы увидеть следующую серию. Такой интерес объяснялся тем, что в конце каждой серии была так называемая «вешалка», «крючок», ход сценариста, с помощью которого накал конфликта в конце не понижается, а, наоборот, повышается на десяток-другой градусов, оставляя зрителя в закипающем состоянии. Из-за этого зритель оставался в подвешенном, неудовлетворенном расположении духа и готов был пойти на все, лишь бы узнать, что было дальше. Подобный механизм работал и с маньяками. Сам акт убийства оставлял преступника в подвешенном состоянии. Он не удовлетворен. Он мог сделать это лучше. «Ах, я сделал это слишком быстро или медленно, доставил слишком много страданий или наоборот».

Большинство людей думает, что такие преступники похожи на Джекила и Хайда. Вот он вежливый, воспитанный и рассудительный человек, а вот уже у него растут клыки и когти. Серийные убийцы не такие. Мир преступника переполнен и отравлен фантазиями, которые, с одной стороны, дают им импульс к жизни, а с другой – толкают на новые преступления.

Этапы профилирования

Стадия ассимиляции. На этом этапе изучается вся доступная информация о совершенном преступлении. Фотографии с места преступления, отчеты о проведенном вскрытии, полицейские отчеты и показания свидетелей, а также, что в особенности важно, профиль жертвы.

Этап «классификации» предполагает интеграцию полученной информации, которая позволяет классифицировать преступника, определить, какой перед нами тип преступной личности: организованный или дезорганизованный. Организованные убийцы социализированы в обществе, способны планировать свои действия, оставляют крайне мало улик и зацепок. Дезорганизованный тип личности действует под влиянием импульса и имеет весьма скромные навыки социализации. В случае с убийцами такие личности нередко хотят вступить в половую связь с жертвой. Дезорганизованный тип не планирует своих действий и не способен к сокрытию улик.

После классификации наступает этап реконструкции, в рамках которого профайлеры изучают поведенческие особенности преступника, пытаются восстановить образ действия и способ мышления преступника в момент совершения деяния.

После этого профайлер обязан определить «модус операнди» преступника – его визитную карточку, то, что является главным для него в преступлении, что удовлетворяет его психологические потребности.

Сопоставляя способ совершения и «модус операнди», находя взаимосвязи и наличие промежуточных преступлений, профайлер может переходить к этапу создания профиля. В нем может и должна содержаться максимально подробная информация относительно правонарушителя, демографические характеристики, характеристика семьи, военный статус, образование, личностные характеристики, а также профиль может содержать рекомендации следователю о методе проведения допроса или интервью.

Профиль преступника является одним из инструментов в арсенале следователя. Именно эта методика помогает нам хотя бы приблизиться к пониманию того, что толкает человека к краю пропасти, что служит отправной точкой в становлении его личности. Как человек превращается в монстра? Наша задача – попытаться на время стать монстром и суметь вовремя отвернуться от бездны, которая вечно смотрит на тебя.

Роберт Кеннет Ресслер

Кто победит хищника?

... В жизни добро торжествует не всегда. Но, как бы ни были страшны и опасны чудовища и как бы много ни было их вокруг, знай: тебе на помощь всегда готовы прийти добрые и смелые люди, делающие все, чтобы защитить людей от чудовищ. На этой войне у тебя немало надежных и сильных союзников

Поведение отражает личность – вот главное правило, которым мы, охотники за серийными преступниками, руководствуемся в своей работе. Криминальное поведение серийных преступников, посягающих на жизнь и свободу других, продиктовано в первую очередь стремлением утвердиться, пережить ощущение полноты жизни за счет подчинения и унижения другого человека.

Хищники имеют разную природу и прячутся под разными обличьями, но все они смертельно опасны. Ключевой момент каждого преступления – это так называемая подпись преступника, которую не следует путать с его техникой. Техника – это то, что преступник делает, чтобы по возможности легко и быстро совершить то преступное деяние, которое он замыслил, тогда как подпись – это то, что он делает для эмоционального удовлетворения, то, ради чего он и идет на преступление.

Чтобы показать разницу между подписью и техникой, я всегда обращаюсь к одному примеру: два разных грабителя во время ограбления банка совершили похожие действия (я работал над расследованием обоих случаев). В Мичигане грабитель заставил всех присутствовавших в операционном зале раздеться догола и лишь после этого, забрав деньги, скрылся. Грабитель в Техасе тоже заставил людей раздеться, но этот к тому же заставлял их имитировать сексуальные действия и принимать унижительные позы и в таком виде фотографировал.

У первого грабителя раздевание – элемент техники: униженные и смущенные люди меньше будут обращать внимания на грабителя, а после того как он скроется, прежде всего поспешат одеться, что даст ему выигрыш времени. Второй же преступник осложняет себе ситуацию (задерживается сделать снимки), но зато получает эмоциональное удовлетворение. У него раздевание – не момент техники, а «подпись».

Среди хищников мы выделяем маньяков-насильников, серийных убийц и стalkerов, «просто» досаждающих жертве своими ухаживаниями и приставаниями. Однако нужно помнить, что и насильник, и стalker в какой-то момент могут превратиться в убийцу.<...>

Умей видеть чудовищ

Главное устремление хищника – подавлять, подчинять и контролировать других. Он ощущает себя неполноценным, ущемленным, обиженным. Но – лучшим. Кровожадный маньяк осознает себя одновременно и ничтожеством, и суперменом

Даже когда хищник схвачен и получает по заслугам, это лишь отчасти победа, но отчасти поражение, ведь то, что полиция пошла по его следу, означает, что кто-то уже стал жертвой этого хищника.

Настоящая победа бывает только тогда, когда мы не позволяем никаким хищникам превращать нас в жертвы: нас самих, наши семьи, наших близких. Война не прекращается ни на миг, и мы все – общество и каждый в отдельности – солдаты на этой войне. И прежде всего мы должны научиться понимать, с каким врагом мы имеем дело и каковы условия войны.

Манипулирование, подавление, контроль – вот ключевые понятия для психологии хищников, вот чего ищут они, выходя на охоту. Будь это убийцы-садисты, насильники, похитители или домашние тираны, заканчивающие убийством, ими движет одно и то же стремление, и дела их рук похожи.

Мы – профайлеры – изучаем поведение хищников и составляем их психологические портреты (подразумевающие изменение привычек, внешности, характера социальных связей, истории жизни, детства и т. д.), так мы получаем возможность разрабатывать эффективную тактику их поимки и изобличения. Мы стремимся понять хищника, чтобы расставить ловушки в нужном месте.

Но психологические портреты составляет не только полиция. Хищники в своей охоте также анализируют всех, кто попадает в их поле зрения. Они умеют выбирать жертву и знают, как проникнуть в сознание другого и получить возможность утолить на нем свою страсть.

Преступник ведет игру, и важнее этой игры нет для него ничего в жизни. Если мы хотим его остановить, мы должны играть в эту игру с такой же серьезностью. Каждый, кто не хочет стать жертвой хищника, должен всерьез воспринимать эту игру. Ведь каждый из нас – потенциальная жертва чудовища, одержимого манией подчинять, мучить, насиловать и убивать, но каждый в состоянии делать что-то для того, чтобы не попасть в лапы такого чудовища, каждый может на своем месте вести войну против него.

Бдительность, как ничто другое, помогает нам уравнивать шансы в войне с чудовищами. Бдительность и знание той опасности, с которой мы имеем дело.

Каждый должен уметь защищаться. Не дай преступнику посягнуть на тебя, во всяком случае, насколько возможно ограничь ему возможность этого. Предосторожность, даже когда следование ей несет известные неудобства, – наш бесценный помощник: не правда ли, стоит девять раз сделать крюк «напрасно», чтобы на десятый раз это спасло тебя от ограбления, изнасилования или убийства?

Здесь каждый рассчитывает сам, сам оценивает ситуацию и определяет степень риска. Для себя я решил, что ни я, ни те, кто мне дорог, никогда не должны оказаться в опасности, избежать которой можно было с помощью несложного расчета и планирования своих действий.

Мы должны учить детей, в каком бы возрасте они ни были, оценивать поведение взрослых и видеть опасность. Ребенок должен понимать, кому нельзя доверять, а кому можно, кого слушать, а кого нет, где и у кого можно искать помощи в беде (например, если потерялся). Если ребенок уверен в том, что его родители и другие «его взрослые» всегда поймут его и всегда помогут, риск того, что он станет жертвой преступника, существенно уменьшается.

В решающей степени безопасность человека определяет окружение – бдительность соседей, коллег, друзей. В моей практике был случай, когда насильник прошел за жертвой до самой ее квартиры, несмотря на то, что в подъезде висели полицейские листовки с его изображением. Не впадая в паранойю, каждый должен замечать, что происходит вокруг: у соседнего дома, около машины товарища по работе, в сквере через дорогу... Присматривай за близкими и друзьями – ты всегда должен знать, где они и что делают.

Опасная ошибка – излишнее доверие к знакомым и коллегам. Оно стоило жизни многим в остальном осторожным и разумным людям.

Не следует считать, что убийцу или насильника можно вычислить по внешности или по его поведению в обычных ситуациях: в «дневной» жизни хищник может быть вполне милым и очаровательным человеком. Известно немало случаев, когда сексуальное насилие совершали благополучные и успешные люди: врачи, юристы, раввины... Элементарные правила помогут снизить риск сексуального насилия: не подбирай пассажиров и не садись в машину к незнакомцу, а равно и к малознакомому человеку. Не пей того, что предложит незнакомец или тот, в ком ты не можешь быть уверена до конца.

Своим дочерям я всегда говорю: «Не заговаривай с незнакомцем в очереди, не улыбайся парню, с которым столкнулась в дверях подъезда, возможно, ты станешь первой женщиной в его жизни, которая вообще обратила на него внимание, он сделает из этого свои выводы и построит на этом свои фантазии, под которые захочет подогнать реальный мир и реальную тебя».

Если женщина уже стала жертвой сталкера, ей следует как можно скорее оборвать любые контакты с ним и уйти в глухую защиту. Сталкеру невозможно «мягко объяснить», что ты не хочешь иметь с ним дела. Просто перестань реагировать на его призывы, не говори с ним по телефону, не открывай ему дверей. Помни, каждый сталкер – это потенциальный насильник и убийца. Уведоми своих друзей, коллег и знакомых, а также соседей, что тебя преследует плохой человек, проси их помощи.

Похожую стратегию должны выбирать женщины, страдающие от домашнего насилия. Бросайте мужа или друга, который избивает вас и ограничивает вашу свободу, бегите от него, пока не поздно.

Общее правило для всех, кто не хочет столкнуться с преступником, таково: если тебе предстоит действовать в обстоятельствах, предполагающих повышенный риск нападения, соответственно должны повыситься твой уровень тревожности и готовность немедленно реагировать на угрозу. Еще одно непреложное правило: всегда доверяй предчувствию и интуиции – они посылают тебе сигналы неспроста.

Лицом к лицу

Если на тебя все же напал преступник, помни: главная цель – остаться в живых, и все остальное в сравнении с ней второстепенно.

Если тебя похищают из людного места, не уступай без борьбы ни шагу. Если ему удастся увезти тебя так, что этого никто не заметит, твои шансы на выживание, на то, что тебя будут искать и найдут, существенно уменьшаются. Дерись, визжи, кричи, старайся привлечь внимание, зови на помощь, пользуйся малейшей возможностью освободиться, вырваться и убежать.

Если насильник-незнакомец не прячет лица, если ты узнаешь его имя или получаешь в ходе происходящего какие-то сведения, которые помогут тебе потом узнать его, вырваться из его рук тем более важно, поскольку, скорее всего, он не намерен «потом» оставлять тебя в живых. Даже если у него нож и ты рискуешь получить рану, дерись и вырывайся, направь всю свою энергию на борьбу за выживание.

Если преступник не оставил тебе никакой возможности бежать, постарайся установить с хищником какие-нибудь «личные отношения». На тренингах я все время говорю полицейским, что они не должны, оказавшись под прицелом, выполнять требование преступника лечь на землю вниз лицом: в человека, который смотрит тебе в глаза, выстрелить гораздо труднее, чем в безликую фигуру на земле. Так же и жертве хищника важно не дать преступнику себя «обезличить»: чем большей индивидуальностью ты будешь обладать в его глазах, тем труднее ему будет тебя убить.

Джон Дуглас

Краткая история стокгольмского синдрома. Психопат и его жертва

Вам нравится сказка о Красавице и чудовище? Никогда не хотелось встретить человека, который для всех был бы монстром, но лишь для вас прекрасным принцем? Может быть, тогда вам по душе сказка о Дюймовочке или Мальчике-с-пальчике? Неужели никогда не хотелось иметь друга или любимую, которая помещается в карман и целиком и полностью зависит от вас, потому как вы единственный человек, способный ее защитить? Быть может, вам хотелось, чтобы вас кто-то пришел и спас? Кардинально изменил вашу жизнь? Или же заставить кого-то полюбить себя? Неужели, нет? Серьезно? Никогда не хотелось стать главным и единственным человеком, стать целым миром для своей второй половины? Если хотя бы на один из этих вопросов вы ответили согласием, у вас есть все предпосылки для того, чтобы стать жертвой стокгольмского синдрома. Если на все вопросы ответ отрицательный, скорее всего, вы попросту врете.

Каждого человека можно поставить в положение жертвы, и у каждого можно выработать патологическую реакцию симпатии к своему мучителю. Вопрос лишь в том, как трансформируется эта симпатия с течением времени. Вот здесь все зависит от личности.

Стокгольмский синдром – ситуация, в которой жертва начинает испытывать симпатию к агрессору, влюбляется в собственного мучителя. Ни в одной классификации болезней вы не найдете диагноза «стокгольмский синдром». По одной простой причине – этот психологический феномен является нормальной реакцией человека, желающего выжить, это вовсе не патологический механизм защиты от стресса, как иногда пишут в различных статьях. Как и всегда, любая норма может перейти в патологию. Все зависит от интенсивности и длительности переживаний.

Впервые этот термин использовал известный психиатр Нильс Бейерт для описания психологического феномена, с которым ему пришлось столкнуться в 1973 году. К тому времени он уже был одним из самых известных и уважаемых психиатров не только в Швеции, но и во всем мире. В основном Нильс занимался проблемами борьбы с наркоманией, именно с этой темой были связаны все его научные статьи тех лет. Ученый с 1958 года сотрудничал с полицией Стокгольма, часто выступая в роли консультанта в особенно сложных случаях, а с 1965 года Бейерт стал работать терапевтом в тюрьме предварительного заключения Стокгольма. Эта работа, хоть и не самая денежная и престижная, могла обеспечить его достаточным материалом для исследования проблемы наркомании среди людей с антисоциальным поведением. Помимо прочего, эта должность укрепила связи Бейерта с полицией Стокгольма, и его все чаще стали приглашать в качестве консультанта.

В августе 1973 года все внимание Швеции сосредоточилось на одном из отделений «Кредитбанка» в самом центре Стокгольма. Двое преступников и четыре заложника. Невероятное для Швеции преступление, о котором будет подробно рассказано в следующей главе книги. Самым удивительным в этой истории было даже не то, что случилось во время шестидневной драмы, а то, что произошло после освобождения заложников. Никто из пострадавших не пожелал выступить с обвинением преступников, более того, заложники оплатили адвокатов для своих мучителей и впоследствии многие десятилетия поддерживали теплые, дружеские взаимоотношения.

Для описания феномена, примером которого стало это ограбление, Нильс Бейерт и использовал этот термин. В данном случае слово «синдром» обозначало лишь набор психологических симптомов, не более того. Однако в массовом сознании это слово ассоциируется с болезнью, поэтому и данный феномен стали считать болезнью, сходной, к примеру, с пост-

травматическим расстройством личности, что в корне неверно. Стокгольмский синдром предполагает лишь ситуацию возникновения симпатии жертвы к агрессору.

Четверо заложников Ян Олссона в течение шести дней были вынуждены находиться в маленькой комнате хранилища банка, а затем отказались от всех претензий к преступникам. Девятнадцатилетнюю дочь главы медиахолдинга похищают из дома, а затем два месяца держат в шкафу. За день до освобождения Патти Херст отказывается от свободы и сбегает с преступниками. В 1991 году одиннадцатилетнюю Джейси Ли Дугарл похищают на остановке школьного автобуса. Филипп Гарридо и его жена Ненси удерживали девочку на протяжении 18 лет. В четырнадцать Джейси родила от мучителя дочь, через три года – еще одну. Когда маньяка арестовали, Джейси Ли стремилась помешать аресту: скрывала свое настоящее имя, выдумывала легенды о происхождении дочерей. Филипп получил срок в 431 год, его жена – 36 лет за решеткой. Из дома, где она жила в плену, Дугард забрала к себе пять кошек, двух собак, трех попугаев, голубя и мышь.¹

В 1996 году в столице Перу Лиме одетые официантами члены «Революционного движения имени Тупака Амару» (MRTA) захватили более 600 гостей посла Японии. В резиденции проходил прием в честь дня рождения императора. Через две недели 220 заложников вернулись домой. Всего за время осады переговорщикам удалось освободить 549 человек. «Лимским синдромом» с того времени называют ситуацию, когда захватчики идут на уступки из-за симпатии к жертвам. Освобожденные заложники отвечали взаимностью и публично поддерживали MRTA. Последние заложники оставались в плену четыре месяца. Власти Перу обвиняли в преступном бездействии, но в это время под резиденцию подводили туннель. Через него спецназ проник в помещение. Только 1 из 14 экстремистов погиб в перестрелке. Остальные сдались и были расстреляны на месте.

В 2002 году 14-летнюю Элизабет Сمارт похитили из кровати. Через 9 месяцев девочку нашли в доме уличного проповедника Брайана Митчелла, который планировал сделать ее одной из семи своих жен. Митчелл надевал на Элизабет вуаль и гулял с ней по улицам. Она не делала попыток убежать, скрывала от посторонних лицо и настоящее имя.

В 2007 году Шону Хорнбеку было 11 лет, когда его похитил Майкл Девлин. Мальчика били, насиловали, заставляли сниматься в домашнем порно. Мучения продолжались четыре года, пока маньяк не выкрал еще одного ребенка. У этого преступления был свидетель, и в дом педофила нагрянула полиция. В ходе расследования выяснилось, что Шон имел относительную свободу и доступ к Интернету, но не делал попыток сбежать или сообщить о себе родным.

Во всех перечисленных случаях срабатывал один и тот же механизм психологической защиты.

Оказываясь в стрессовой ситуации, человек вынужден использовать те или иные защитные стратегии (копинги). Они могут быть конструктивными или деструктивными, направленными на решение проблемы или же на восстановление эмоционального равновесия и пр. Оказываясь в ситуации критического стресса, у большинства людей происходит регресс. Жертва будто бы возвращается в детство, в этот момент эмоциональное развитие человека вполне можно сравнить с эмоциональным интеллектом ребенка. Ведь к ребенку меньше требований, да и не отвечает он ни за что. Главное – слушаться старших. Оказавшись в таком незащитном положении, человек предлагает агрессору роль мудрого отца. Он должен хвалить за правильное поведение и наказывать за неправильное. Таким образом, жертва объясняет и оправдывает положение агрессора, ну а человек в доминантном положении обязан не только наказывать,

---

¹ В США наказания суммируются, поэтому можно получить и сто лет тюрьмы, и несколько пожизненных. Если человек получил три срока, значит признан виновным в совершении трех преступлений. Если три пожизненных – значит все три преступления из разряда особо опасных. После смерти заключенного будет считаться, что он отбыл каждое из пожизненных заключений. – *Прим. ред.*

но и поощрять. Так начинают расти и развиваться человеческие взаимоотношения в той ситуации, в которой по всем законам логики их появиться не должно.

Затем постепенно человек начинает долгий путь возвращения к своему привычному эмоциональному состоянию. Желая объяснить поведение агрессора, жертва начинает ставить себя на его место, пытаться понять позицию агрессора и увидеть в нем не чудовище, но человека со своими достоинствами и недостатками. Этот процесс имеет вполне логичное объяснение, отразившееся в известной народной мудрости. Как вы относитесь к человеку, так и человек относится к вам. Если вы видите перед собой хищника, то и хищник в вас будет видеть жертву. Попробуйте наладить контакт с агрессором, без конца повторяя про себя, что он монстр. Вряд ли у вас получится выстроить подобие доверительных отношений. Итак, человек, желая выжить и сохранить свои представления о мире, в котором нет людей-чудовищ, пытается объяснить и оправдать поведение агрессора. Таким образом, в действие вступает механизм психологической защиты, который впервые описала Анна Фрейд в далеком 1936 году, задолго до первого описанного случая стокгольмского синдрома. Ссылаясь на работы своего отца, создателя психоанализа Зигмунда Фрейда, Анна описала защитный механизм идентификации с агрессором. Для иллюстрации этого феномена психолог приводила пример девочки, которая очень боялась темноты. По мнению ребенка, в темных комнатах жили призраки. Она всякий раз с ужасом воспринимала новость о том, что ей придется пройти по неосвещенному помещению. Однажды все изменилось. Девочка стала пробегать по комнате легко и быстро, правда, теперь она делала при этом странные пассы руками. Выяснилось все просто. Девочка поделилась своим секретом с братом: «Я теперь больше не боюсь привидений. Я знаю, как с ними бороться. Чтобы не бояться привидений, нужно стать самой привидением». Чтобы не страдать в положении жертвы, человек ставит себя на место агрессора и начинает исходить из логики другого человека. Что в этом плохого? Это же помогло девочке избавиться от собственных страхов, в конце концов. Как и всегда, этот механизм психологической защиты может, как помочь, так и навредить. Все бы ничего, до тех пор, пока жертва, следуя чужой логике, не начинает вредить себе.

Психоаналитик Вамик Волкан в 60-х годах XX столетия работал в США в Северной Каролине в госпитале Черри для душевнобольных. В то время это была сегрегационная лечебница, куда принимали только черных пациентов. Это было на бывшем рабовладельческом Юге за полвека до того, как Барак Обама стал первым чернокожим президентом США. Пациенты клиники были черными, а весь персонал – белыми. Волкан пишет: «Я заметил, что чернокожие пациенты госпиталя Черри пытались идентифицироваться со своими белыми угнетателями; бредовая вера чернокожего, что он “белый”, была явлением довольно распространённым. У двух пациентов была лейкодерма в виде пятен “белой” кожи; они имели полностью “кристаллизованный” бред о том, что они белые» (Volcan, 1966).

Польский психолог и психиатр Антон Кемпенский (1918–1972), бывший заключенный концентрационного лагеря Освенцим, описал типичные случаи, когда в лагерях назначались старшие по бараку из числа узников, и эти люди выказывали даже большую жестокость в отношении своих собратьев по несчастью, чем надсмотрщики из числа нацистов. Они идентифицировались с агрессором в этой экстремальной ситуации в бессознательной надежде, что если они – тоже агрессоры, то их минует участь всех остальных узников лагеря смерти.

Все это крайние проявления идентификации с агрессором – защитного механизма, лежащего в основе появления стокгольмского синдрома. Самое ужасное в этом процессе – тот факт, что, ставя себя на место агрессора, человек перестает быть собой. Зачем нужно видеть в агрессоре человека? По одной простой причине – только в этом случае агрессор сможет увидеть в жертве человека. Если агрессор видит перед собой не врага и не жертву, а точно такого же человека со своей историей, ему будет намного сложнее проявить к жертве жестокость. Жертва

же видит то, что агрессор проявляет снисхождение: мог ударить, но не ударил, мог убить, но не убил, кормит, заботится. Так жертва начинает испытывать благодарность к агрессору.

Кого больше всего боится агрессор? Действий властей в свой адрес. Этот же страх поселяется и в жертве. Человек видит своего мучителя, узнает его, понимает, видит в его действиях логику. Если в жестокости есть логика, ее можно избежать – нужно только правильно себя вести. А вот на что пойдут власти? Эта угроза непонятна и, следовательно, кажется более опасной. В тот момент, когда жертва начинает испытывать страх перед внешним врагом, наступает вторая фаза стокгольмского синдрома. Чем слабее связи жертвы с внешним миром, тем больше вероятность того, что она начнет симпатизировать агрессору. Третья стадия наступает не всегда – ответная реакция агрессора. Третья стадия предполагает наступление взаимной симпатии. Ничто так не сближает людей, как общий враг. Верно? Так и возникает этот вид травматической связи между жертвой и агрессором.

Раньше этот термин применялся исключительно к ситуациям, связанным со взятием в заложники, но впоследствии сфера применения данного термина расширилась. Тюрьмы, военные операции, некоторые национальные обряды (похищение невесты) и, наконец, авторитарные межличностные отношения. Случай Наташи Кампуш, описанный в книге, ярко иллюстрирует бытовой стокгольмский синдром, который встречается значительно чаще, чем можно себе представить.

Какой процент людей подвержен стокгольмскому синдрому? Ответить на этот вопрос практически невозможно. По статистике ФБР – 8 % заложников, по другим данным – до двадцати, ну а в отношении бытового синдрома эту цифру назвать невозможно. По понятным причинам женщины сильнее подвержены этому синдрому. Люди, воспитанные в авторитарной семье, склонные к самоуничтожению, с низкой самооценкой, – все это факторы риска. Представьте себе, что агрессор проводит кастинг на роль жертвы. Преступник врывается в банк, и у него есть минута, чтобы выбрать одного единственного заложника из нескольких десятков людей. На осознанный выбор времени нет, и в игру вступает подсознание. Конечно, каждого человека можно заставить примерить на себя роль жертвы. И, тем не менее, подсознательно агрессор всегда выбирает того, кому больше подходит эта роль. Зажатые, забитые люди, которые ненавидят свою жизнь и страстно мечтают ее изменить, – лучше всего подходят на эту роль.

Намного интереснее то, что происходит дальше. Если бы не этот интерес, половина сценаристов Голливуда попросту лишилась бы работы. Интерес к феномену возникновения такого рода отношений появился намного раньше, чем сам термин.

* * *

В 1960-х годах преступники напали на одно из отделений банка и взяли в заложники несколько человек. Спустя несколько дней их жертвы уже не хотели освобождения. После того, как преступники были схвачены, а жертвы освобождены, началось самое странное. Бывшие заложники стали выступать в защиту своих мучителей, более того, они оплатили им адвокатов. В 1974 году дочь американского миллиардера Патрисию Херст выкрали из ее дома и взяли в заложники. Спустя 57 дней, которые девушка провела в шкафу, ее психика окончательно изменилась. Теперь она была целиком и полностью на стороне преступников. А еще через несколько дней она с автоматом наперевес ворвалась в отделение банка и потребовала, чтобы все легли на пол. В 1998 году тридцатилетний Вольфганг Приклопил взял в заложники восьмилетнюю Наташу Кампуш. Преступник поселил ее у себя в подвале, в котором она провела восемь страшных лет. За это время девочка превратилась в красивую девушку, которую Приклопил выдавал за свою племянницу. Вместе они ездили на горнолыжные курорты и посещали публичные мероприятия. Когда девушке исполнилось восемнадцать лет она сбежала от

своего мучителя. Вольфганг Приклопил застрелился через несколько часов после ее побега. А спустя год Наташа Кампуш поселилась в доме, ранее принадлежащем Вольфгангу Приклопилу.

Во всех описанных случаях всегда действовал один и тот же механизм возникновения первичной симпатии к агрессору. Этот процесс маэстро Тим Лири назвал «искусством промывки мозгов». Бесспорно, он во многом прав. Ситуация, в которую попадали заложники в Стокгольме, Патти Херст и Наташа Кампуш, полностью меняла их. В состоянии угрозы жизни пересмотр всех норм морали происходил в экстремально сжатые сроки, но личность оставалась личностью. Рано или поздно во всех случаях человек вновь обретал себя, обретал свое место в жизни. Угрозы больше не было, но симпатия оставалась, то новое, что привносили агрессоры в жизнь своих жертв, также оставалось.

Во всех случаях первым этапом формирования симпатии был шок. Очевидная угроза жизни дезориентировала человека и спускала его вниз по лестнице эмоционального развития. На короткий промежуток времени жертва превращалась в беспомощного ребенка, за которым нужно ухаживать. Следующим пунктом всегда была полная или частичная депривация. Ситуация, когда наши органы чувств лишены обычного объема информации, приводит мозг в иное состояние. Патти Херст была заперта в шкафу, Наташа Кампуш – в подвале, в ситуации ограбления банка в Стокгольме преступники и заложники были заперты вместе, в хранилище. Так или иначе, органы чувств человека были лишены достаточного уровня поставляемой информации.

Следующим этапом был импринтинг, запечатление образа создателя, процесс, рождающий симпатию. Первое лицо, которое видит новорожденный, становится для него матерью, к нему моментально вырабатывается особая степень безусловного доверия, и здесь не важно, идет ли речь о животных или людях. Как уже упоминалось ранее, опыты по депривации взрослых людей показали наличие импринтинга. Люди, пробывшие больше суток в состоянии сенсорной депривации, склонны были верить всему, что им говорил первый же человек. Причем люди не просто верили всему сказанному, но их даже не посещала мысль о том, чтобы обдумать и отнестись критически к сказанному. Это слова создателя и спасителя, конечно же, это истина. А если этот человек еще и заботится о твоей жизни? Кормит, лечит, обрабатывает раны, учит и, в конце концов, защищает? Степень доверия становится практически безграничной. Грабители из Стокгольма добывали заложникам еду и водили их в туалет, Дональд Дефриз обрабатывал раны Патти Херст, Вольфганг Приклопил и вовсе заменил Наташе родителей. Людям свойственно любить тех, о ком они заботятся. Нужно же как-то оправдывать свои действия. Так возникала взаимная симпатия.²

Далее всегда следовал этап создания острова безопасности (в терминологии Лири). Место заточения жертвы превращалось в неприступный бастион, оплот безопасности, в котором есть свои правила, своя логика, которые еще предстоит постичь. Мир за пределами цитадели начинал казаться призрачным и враждебным. Все, случившееся до депривации, начинало казаться нереальным. Вслед за этим следовало отречение от старого мира. В случае заложников в Стокгольме это было разочарование в правительстве, а в случае Наташи и Патти – родители, от которых они отрекались.

Так формировался страх свободы, вслед за которым следовало создание нового образа врага. Во всех трех случаях, которые были рассмотрены, таким врагом становилась полиция. Да, возможно, они и хотят спасти заложников, но на самом деле их непрогнозируемые действия могут нести куда более страшную угрозу. Агрессор будет вынужден избавиться от них, таковы правила, это тоже нужно понять... Следуя подобной логике идентификации с агрессором, жертвы начинали ненавидеть полицию еще сильнее, чем агрессор. На этом этап формирования взаимной симпатии заканчивался, а дальше начиналось строительство взаимоот-

---

² В психологии – мгновенное подкорковое обучение.

ношений, формирование новых, намного более сложных комплексов чувств, которые вполне можно обозвать любовью, правда, патологической и трагической. Во всех случаях.

Во время написания книги меня часто спрашивали: Стокгольмский синдром – это хорошо или плохо? А если плохо, то насколько? Как и любой другой психологический феномен, это – просто данность. Хорошо или плохо, что время от времени человеку требуется есть и пить? Это необходимо для сохранения жизни. Плохо, когда голод начинает определять и контролировать твою жизнь, ухудшает ее качество. Вот это уже проблема. Точно так же и со Стокгольмским синдромом. Мозг начинает действовать, исходя из своей главной задачи: сохранения жизни вверенного ему организма. И вот жертва оказывается в ситуации, когда она понимает, что сейчас происходят самые яркие события ее жизни. И только от одного решения зависит то, как его воспринимать. Как ужас или приключение, переживание и новый опыт. Мозг однозначно выбирает то, что ему более выгодно, и начинает формировать привязанность. Проходит время, и угроза жизни исчезает, а вот привязанность остается, возникшие на ее базе чувства тоже остаются. И вот в тот момент, когда жертва начинает исходить из логики своей привязанности и сознательно вредит себе и ухудшает качество своей жизни только ради того, чтобы эту привязанность сохранить и не соприкоснуться с кажущимся враждебным миром, только тогда это начинает представлять проблему для человека. Если же новые взаимоотношения улучшают качество жизни (исходя из субъективной оценки личности), то никакой опасности в патологически возникших отношениях нет. До поры, до времени...

Вместе со своей подругой, русско-американской писательницей, мы задались вопросом о том, возможен ли счастливый финал для истории взаимоотношений, возникших на базе Стокгольмского синдрома, истории взаимоотношений психопата-серийного убийцы и его жертвы. Ответ оказался очевидным и однозначным. Этот исход придумали задолго до возникновения психологии. Сказка о Красавице и чудовище – это и есть счастливая история любви, родившейся из патологических отношений агрессора и жертвы. Конечно, это только сказка, но, исходя из теории Эрика Берна, одного неглупого социального психолога, именно сказки формируют сценарий нашей жизни. К примеру, во многих странах существует традиция так называемого «похищения невесты». Когда ни о чем не подозревающую девушку крадут из родительского дома и поселяют в доме агрессора, то есть жениха. В наше время этот обряд исполняется весьма условно, но кое-где он сохранился в своем первоначальном сценарии. Украденная девушка больше не имеет выбора, она обязана выйти замуж за человека, который ее увез из родного дома. В реалиях современного мира само описание этого обряда звучит абсурдно, однако было бы великой глупостью предполагать, что всегда это означает лишь рабство и вечные мучения для девушки. Очень часто такие истории заканчивались счастливо. На почве патологической привязанности вырастали ростки искренних и взаимных чувств. Чаще всего это происходило в ситуации перемены ролей. Агрессор зависит от своей жертвы намного сильнее, чем жертва от агрессора. Звучит избито, но это факт. В тех случаях, когда обстоятельства складывались так, что жертва получала хотя бы на время роль агрессора, ситуация либо переворачивалась, либо рождалось новое чувство. На сей раз настоящее.

Желая описать подобный сценарий на базе известных нам случаев Стокгольмского синдрома, мы принялись за создание профайлов наших жертв, то есть героев, простите. Нашей задачей было привести этих психопатов (героев) к счастливому концу, не изменяя при этом логике их личности. По большей части я занимался анализом личности и выстроением профайлов, а моя подруга – описанием событий. Историю ограбления банка в Стокгольме вполне можно назвать комедией, случай Патти Херст – стопроцентный боевик на почве сильно задержавшегося подросткового бунта, ну а Наташа Кампуш – безысходно давящая мелодрама.

---

³ Эрик Леннард Берн (1910–1970) – американский психолог и психиатр. Известен, прежде всего, как разработчик транзакционного анализа и сценарного анализа.

Создавая счастливый случай истории любви психопата и его жертвы, мы решили воспользоваться излюбленным нами жанром треша, то есть сочетания и переосмысления шаблонных образов. Следуя заветам Чака Паланика и Квентина Тарантино, мы постарались написать историю, в которой нашли свое отражение все основные механизмы действия этого удивительно сложного и противоречивого психологического феномена под названием Стокгольмский синдром. История эта впоследствии была опубликована отдельным изданием, но все же, с разрешения моей подруги, я решил также опубликовать эту историю.⁴

М. Н.

---

⁴ Направление современного искусства, произведения которого пародируют и обыгрывают массовую культуру. – *Прим. ред.*

Интервью с убийцей

История о двух сумасшедших, покоривших мир

Триш-роман

Пролог

Тюрьма Хантсвилль. Штат Техас

Камера. Мотор. Поехали!

Оператор: А что снимать-то?

Режиссер: Издеваешься?

Оператор: Я же не спросил «кого», я спросил «что». Он смотрит в одну точку и ничего не делает.

Режиссер: Смертная казнь через несколько часов, что он, по-твоему, должен делать?

Оператор: Да ладно, это же Микки, выкрутится.

Режиссер: Не в этот раз.

Оператор: Все равно попытайся заставить его рассказать свою историю.

Режиссер: Легко сказать... Микки? Это твой последний шанс рассказать о Верене...

Микки

...Она ворвалась в мою жизнь три года назад. Натолкнулась на меня и сделала шаг назад. Я посторонился, давая ей возможность пройти.

Эта история началась с того шага. Все эти ограбления банков, безумные видеоролики, стрельба в аэропортах – все это было намного позже.

Сейчас вокруг меня серые липкие стены и стул. Вокруг него провода. Ядовитый химический свет постепенно убивает мои глаза. Я здесь уже неделю. Семь дней и столько же ночей подряд я обдумывал то, что я должен буду сказать. Ну, знаете, перед электрическим стулом. Или смертельной инъекцией. Я как-то не уточнял. Не вижу смысла.

Вообще говоря, это странно. Процедура будет закрытой. Почему-то публичные казни вышли из моды. То есть спрос на них все так же высок, но правительство почему-то предпочитает держать народ в голодном напряжении. Смерть в прямом эфире будет иметь слишком высокие рейтинги. Страшно даже подумать про количество просмотров в Интернете. Они сочли, что с меня хватит.

Так вот все будет происходить в пустой комнате. Передо мной обязательно будет глухое плексигласовое стекло, за которым будет стоять пара следователей. Они будут моими слушателями. Им я и скажу свои последние слова. Фишка в том, что они ни черта не рубят по-немецки, а по-английски я говорить не буду. Мое последнее слово никто не поймет. Это странно, правда? В этой речи не будет фразы «я признаю свою вину». Я виноват только в том, что еще жив, а она – нет. Ничего. Это скоро исправят.

1. Автобус Барселона – Берлин

Три года назад. Верена

– Вы куда-то едете или просто едете? – мы не поняли вопроса, а это был чертовски хороший вопрос...

Это откуда-то из Керуака, которого я включила вместо музыки. Приблизительно 46-я минута. Мне повезло, еду на самом первом сиденье и имею возможность смотреть в гигантское лобовое стекло водителя. В путешествиях ведь главное не конечный пункт следования, а вот это лобовое стекло, дорога и наушники.

Керуак, Кизи, Вулф, Томпсон, Лири... Все эти сумасшедшие писали не про меня. Они умели жить по-настоящему. Всегда восхищалась лю⁵дьми, которые умеют жить так, что дрожат стены. Успокаивает только юриспруденция, которую я изучаю в колледже. Из ее истории я точно знаю, что обычно такие люди заканчивают либо в психиатрической больнице, либо в тюрьме. Так что, наверное, мне нужно радоваться тому, что у меня есть колледж, жених Анкель и чертова юриспруденция. То есть были.

Автобус разгоняется километров до ста в час, не меньше. В наушниках заканчивается запись. От этой воцарившейся тишины, прерываемой лишь утробным гулом мотора, становится холодно и страшно. Почему-то мне всегда нужен какой-нибудь шум. Когда нет музыки, книги или кино, начинаю отвлекаться на мысли, а я от них вздрагиваю.

Все лобовое стекло водителя занимает идеально ровное полотно дороги с ярко-белой полосой разметки. На приборной панели есть только одно украшение. Статуэтка Ганеши, буддистского бога удачи, кажется. Точно помню, что этого слоненка, сидящего в позе лотоса, зовут Ганеша, но кто он и за что отвечает, не знаю. Скорее всего, ответствен за удачу, иначе какой смысл ставить его на приборную панель? Статуэтка тяжелая, выкрашенная под бронзу. Глаза этого слоника хитро прищурены. Интересно, кто из водителей увлекается буддизмом? Парень со змеями на руке или его напарник, худой и с блуждающим взглядом? Таких, как этот напарник, играл Джилленхолл в начале своей карьеры.

Через несколько часов я приеду в Берлин. Никогда не бывала в этом городе, но отныне это мой дом. Странно. Нет, не то, что я там никогда не была, а то, что появится дом. Это почти как начать все сначала. Только у меня ничего не получится. Я смотрю на то, как движется линия разметки, перерезающая надвое лобовое стекло водителя. Кроме этих белых штрихов, практически ничего не видно.

Автобус въезжает на территорию какой-то автостанции. Смотрю на часы. По идее, в Берлине мы должны быть только через три часа. Парень со змеями на руке оборачивается и видит мой недоуменный взгляд.

– Через пятнадцать минут поедem, – говорит он.

Водитель – парень чуть старше меня на вид. Может, лет двадцать пять где-то. Короткая стрижка, темные волосы и выбритые виски. Над ушами что-то вроде волн или зигзагов. Неестественно белая кожа. На руке татуировка – клубок вьющихся змей. Выключаю плеер в телефоне, достаю сигареты и выхожу на улицу. Сонные люди тут же выстраиваются в очередь к выходу. Они перебрасываются какими-то фразами, отчего возникает ощущение гула. Вид у всех такой, будто зомби-апокалипсис уже наступил, а я и не заметила. Когда оказываюсь на улице, меня буквально сбивает с ног раскаленный воздух, кажется, без малейшей примеси кислорода. Даже не думала, что здесь может быть такая погода. Сейчас ночь, а на улице градусов тридцать жары.

---

⁵ Писатели-битники. Прославились в основном благодаря романам, в которых описывали свой образ жизни. А они, и правда, неплохо жили.

– Держи, – говорит мне водитель. Оборачиваюсь и вижу, что он держит в руках два стаканчика с кофе из автомата. Я продолжаю непонимающе смотреть на кофе. Зачем? Какой в этом смысл, если мы больше не увидимся? Благодарно киваю и делаю глоток. Кофе вкусный, но горячий, а хочется хоть чего-то холодного.

– Он лучше от жары поможет, – поясняет он.

Водитель оказывается прав. Горький, крепкий кофе обжигает, но после первого же глотка я перестаю замечать эту душливую жару.

– Откуда ты? – спрашиваю я. Кстати, коммуникабельность – не самое мое сильное место.

– С чего этот вопрос? По-моему, у меня внешность истинного арийца, – отвечает он, оглядываясь куда-то назад.

– Да, но истинные арийцы не покупают кофе незнакомым девушкам, – хмыкаю я и невольно делаю шаг назад.

– У тебя слишком предвзятое отношение к Германии.

– То есть жадность немцам не свойственна? – спрашиваю я.

– Почему? Свойственна. Жадность свойственна тем, у кого есть деньги. А у меня их нет, – отвечает он.

2. Берлин. Центральный автовокзал

Микки

Кажется, что скоро воздух вот-вот начнет плавиться в моих руках. Я въезжаю на территорию берлинского автовокзала и открываю двери автобуса. Народ потихоньку начинает выбираться наружу.

Напарник – странный парень моего возраста. Представьте себе двадцатилетнего маньяка в очках. Вот именно так Ленц и выглядит. Знаете, люди стараются держаться подальше от таких. Когда он говорит, начинает задыхаться, поэтому предпочитает молчать. Взгляд то и дело блуждает где-то в космосе. Нет, он не курит и даже не пьет. Просто мутный тип.

– Ты поможешь с багажом? – спрашивает он, судорожно вздыхая в конце фразы. Вполне можно было бы списать на несостоявшийся зевок, если вы его не знали раньше.

– С чем? – спрашиваю я, с силой прижимая пальцы к переносице. Тупой жест, особенно если третьи сутки не спишь.

– Ладно, сам справлюсь, – машет рукой маньяк. Я с трудом поднимаюсь с водительского кресла и выползаю из автобуса. Вот здесь-то жара и придавливает меня к асфальту. Дышать реально трудно. Помню, когда мать нас с сестрой потащила в Индию, была такая же погода. Когда вышли из аэропорта, мы с Бонни буквально согнулись от этого воздуха. Он был как расплавленное железо. Воздух как оружие пытки. Индия навсегда осталась в моей памяти синонимом ада. Судя по всему, дело не в Индии, дело в памяти.

Я хлопаю себя по карманам в поисках сигарет. Точно помню, что в пачке еще три осталось, только где пачка-то?

– Держи, – тихо говорит девушка с рюкзаком. Та, которой я купил кофе пару часов назад. Просто хотел, чтобы она меня запомнила. Странное желание. Знаю. Сейчас она безучастно разглядывает то, как суетятся люди возле автобуса. Значит, кроме рюкзака, у нее ничего с собой нет. Путешествует по Европе налегке. Не люблю путешественников. Я их не понимаю. Куда они едут и зачем?

– Спасибо, – говорю я по-английски и вытаскиваю пару сигарет. – Берлин – конечный пункт, или дальше едешь?

– Конечный, наверное, – она растерянно кивает и оглядывается по сторонам. Кажется, что она не знает, зачем сюда приехала, и хочет обратно в автобус. Ей не нравится этот город. Мне тоже. У нас много общего.

– Если бы мог держаться на ногах, предложил бы показать тебе город, – говорю я.

– Не надо, я найду дорогу до Унтер-ден-Линден, – улыбается она. – Оригинальная татуировка, – она указывает на клубок змей на моей руке. Одна из первых работ Бонни. Она долго тренировалась на мне, прежде чем «перейти на настоящих людей».

– Моя сестра – художница, – зачем-то говорю я.

– Видимо, талантливая, – кивает она и отходит от меня. Так, будто боится. Меня часто люди опасаются. Не знаю, почему.

Ленц вытаскивает последний чемодан из багажного отделения и с трудом закрывает двери.

– Он мне серийного убийцу напоминает, – как можно тише говорит она.

– Поверь, ты не оригинальна, – усмехаюсь я.

К нам подбегает маньяк-напарник. Девушка тут же вежливо отходит в сторону и начинает кому-то звонить. Воздух, на время отступивший от своего коварного плана по завоеванию Берлина, вновь начинает гореть и плавиться. Черт возьми, это Берлин, а не Индия. Почему здесь так жарко? Именно сейчас?

С напарником мы проходим в диспетчерскую и по очереди расписываемся в журнале. Потом подписываем пару бланков. Еще полчаса, и можно будет вздохнуть свободно. Я вспоминаю о сегодняшнем плане на день и непроизвольно морщусь. Так не должно было случиться.

– Как у тебя дела? – спрашивает женщина-диспетчер. Элен. Худая блондинка лет сорока с очень грустными глазами. Она внимательно изучает все квитанции, а потом пристально смотрит на меня.

– Все хорошо, – говорю я и поворачиваюсь к двери. За деньгами нужно будет прийти вечером. Я получаю сдельно, за каждый рейс. То есть за два рейса сразу. Берлин – Барселона, Барселона – Берлин. Раньше в Варшаву ездил, но это короткие рейсы, за них меньше платят, а мне нужны деньги. Очень нужны.

За прожитые двадцать четыре года я умудрился окончательно испортить все, что только мог. Причем не сделал ничего плохого. Правда. Просто... Вообще, знаете, есть даже такая статья «преступное бездействие». Вот именно этот пункт, короче говоря. Бездействие, кстати, всегда преступно. Оно убивает. Медленно так съедает жизнь. Вполне может считаться особо жестоким методом убийства. В моем случае так уж точно.

Выхожу с территории автовокзала и пытаюсь вздохнуть полной грудью. Ну, вроде как заключенный на свободу выходит. В легкие попадают пыль, гарь, все, что угодно, но только не кислород. Часы показывают пять тридцать утра. К Бонни ехать еще рано. До дома добираться полтора часа. До того места, что стало мне служить ночлегом. Так будет точнее. Я его называю Бункером. По сути, там, наверное, действительно можно было бы укрыться от какой-нибудь небольшой бомбы. Полтора часа слишком долго. К тому же, если упаду на кровать, тут же усну, а там неизвестно, во сколько проснусь. Не успею к Бонни, а она будет ждать.

Я с сожалением смотрю на удаляющуюся от меня фигуру девушки с рюкзаком. Смотрю на то, как она машет рукой идущему навстречу парню. Он пытается обнять ее. Она застывает на месте, но парень все-таки сгребает ее в охапку. Она все время ведет себя так, будто ей страшно, будто она растерянная маленькая девочка в незнакомом городе.

Когда встречаешь ту самую девушку, жизнь меняется. Она разламывается надвое. У меня нет времени менять свою жизнь, я спешу к Бонни.

3. Ограбление по-немецки

Верена

Анкель – мой жених, юрист в больнице отца. Последний, кого он напоминает, лысый и несчастный еврей-юрист из сериала «Клиника». И все равно, когда я думаю о его работе, вспоминаю этого персонажа. Вообще говоря, Анкель – глянцево красивый парень с накачанным торсом и вселенским презрением во взгляде.

– У тебя очень красивые глаза, – говорит он и заводит машину.

– Ты мне это каждый день говоришь, – отвечаю я, но все равно улыбаюсь.

– Они у тебя каждый день разные. Впервые вижу человека, у которого цвет глаз меняется чуть ли не каждую минуту.

– Они зеленые, – отвечаю я.

– Да, но иногда карие, серые и даже синие. Ты ж моя невеста, я все о тебе знаю.

– Вот не надо врать, у меня никогда глаза серыми не становятся. Терпеть не могу этот цвет, – в шутку протестую я.

Если у девушки каждый день меняется цвет глаз, значит, у нее есть набор цветных линз Magic eyes. Отличная вещь. У меня действительно каждый день новый цвет глаз. В зависимости от настроения. Чаще всего зеленые. Поэтому Анкель считает, что они зеленые.

Он отвозит меня в квартиру отца. Здесь я оставляю ненужные вещи, принимаю душ, переодеваюсь и придирчиво разглядываю себя в зеркале. Ко встрече с отцом готова. Наверное. То есть возможно.

– Может, перенесем встречу с отцом на вечер?

– Завтрашнего дня? – спрашивает Анкель.

– Это было бы идеально.

– То есть ночевать ты будешь у меня, а не здесь?

– С чего бы это?

– Просто твой отец обычно ночует дома. Он будет немного удивлен, если обнаружит спящую в гостиной дочь, которую не видел полтора года и которая с ним даже не поздоровалась.

Анкель настаивает на том, чтобы мы сделали селфи, и тут же выкладывает его в Инстаграм. Идиллическое фото с фешенебельным немецким домом на заднем плане. Садимся в машину и едем в больницу к отцу. Уже на подъезде к воротам клиники слышу мелодию своего звонка. Hello, I love you. Tell me your name. The Doors. Сбрасываю звонок.

В больнице оказывается, что отец слишком занят сейчас. Он удивляется при виде меня. Неуклюже обнимает и просит поклоняться пока по больнице. Предлагаю ему перенести торжественную встречу на завтра. Он соглашается. Кажется, что мы оба испытываем облегчение от этого.

Устраиваемся с Анкелем на лавочке возле больницы и разглядываем прохожих. За ними интересно наблюдать, потому что мой будущий муж знает все и обо всех. В больнице это означает исчерпывающую информацию о том, когда у тебя были прыщи, вши и геморрой. В случае Анкеля он еще знает, во сколько обошлось человеку лечение по страховке.

Я достаю из пачки сигарету и с опаской оглядываюсь на пожилую даму, которая уже успела брезгливо скривиться. Тут я вижу идущую от ее рук дымящуюся струйку. Недоуменно присматриваюсь и понимаю, что презрение на ее лице относится к Анкелю, а не к сигарете. Ну, здесь я ничего не могу поделать. Его же нельзя назад в сумочку запихнуть. К тому же не понимаю, что ей в нем не понравилось.

– Тебе нужно бросить курить, – задумчиво говорит Анкель, аккуратно вынимая у меня из рук сигарету.

– Зачем? – задаю я самый логичный вопрос в мире.

– Будешь в старости, как та бабка, смолить на лавочке, – кривится Анкель.

– А что плохого?

– Тебе еще детей рожать, – глубокомысленно заявляет он, медленно вытягивая из моих рук сумку с пачкой сигарет.

– Отдай мою сигарету, – протестую я.

– Ты моя невеста, поэтому... – Я успеваю выхватить из сумки пачку и закуриваю новую сигарету. Анкель остается держать в руках мою сумку.

– Убивает не курение, убивает жизнь, – говорю я и нагло затягиваюсь сигаретой.

– Таких фразочек можно придумать тысячу и одну. Сигареты все равно будут сокращать твою жизнь. Медленно и неотвратно, – говорит Анкель.

Я с интересом смотрю на тлеющую у меня в руках сигарету. Будто в ответ на мой взгляд край подоженной бумаги загорается красным, а скопившийся пепел неосторожно падает на асфальт и разлетается на тысячи мелких пылинок. Когда стоит такая жара, все постепенно превращается в пыль. Сам воздух, кажется, приобретает консистенцию пыли.

Только сейчас я окончательно понимаю, что приехала в Берлин. Не такой уж и противный город. Признаем честно. Вокруг полно красивых высотных зданий, все строго, правильно и со вкусом. Мне никогда не нравились все эти кукольно-открыточные немецкие городки, но Берлин не имеет с ними ничего общего. Это большой, немного громоздкий город.

– Ну что, идем отмечать возвращение Верены Вибек? – спрашивает Анкель. – Если мы в тот бар, то мне нужно снять наличные, – добавляет он. Как будто я знаю, что за бар он имеет в виду.

– Знаешь, мы в любом случае пойдем «в тот» бар, а не в этот.

– «В этот» – это в какой? – не понимает Анкель.

– Который не тот, – продолжаю я нести чушь, но вижу, что Анкель уже немного «завис», и спрашиваю: – Откуда я знаю, какой бар ты имеешь в виду, я несколько часов как приехала. Там что, не принимают карты?

– Там вообще ни черта не принимают, – загадочно протягивает он.

Мы поднимаемся и оглядываемся по сторонам. Я тут же вижу мигающие буквы «АТМ» и указываю на них. Анкель морщится, как будто я предложила какую-то глупость, и поясняет, что этот не подходит. Старушка на соседней лавочке продолжает брезгливо на нас поглядывать.

Анкель видит вывеску с логотипом нужного банка. Он расположен через дорогу от больницы. С сожалением выбрасываю сигарету и плетусь вслед за ним.

– Ты могла бы подождать на лавочке, – бормочет он.

– Размечтался. Там кондиционер.

Когда мы уже заходим в разъехавшиеся перед нами двери, нас обдает спасительной прохладой кондиционера. Через минуту здесь становится холодно, а через две я покрываюсь мурашками, но мысль об удушающей жаре на улице заставляет меня терпеть холод и даже радоваться ему.

Я иду в очередь к соседнему банкомату. Здесь очень много народу. Этот банк славится своим лояльным отношением к кредитам на лечение. Мне отец рассказывал. То есть отношение у банка самое обычное, но благодаря этой своей рекламе лояльности он получил почти полное освобождение от налогов. На рекламу лояльности к кредитам ушло такое дикое количество денег, что ставки по ним пришлось повысить. Впрочем, если бы ставка была 100 % в месяц, у специалистов по кредитам все равно не было бы недостатка в клиентах. Здесь продают надежду на жизнь. Шанс на выигрыш. Это дорогого стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.